

ПЛАТОН, ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ И УЧЕНИКИ ЗРЕЛОГО ВОЗРАСТА В АНТИЧНОСТИ

Опсимат, или начавший учиться в позднем возрасте, — потенциально комическая фигура, что можно подметить в «Характерах» Теофраста, «Облаках» Аристофана, в лукиановской юмореске «Гермотим» и, безусловно, в отношении к Евтидему и Дионисиору в платоновском «Евтидеме». Но по нескольким причинам, связанным с прецедентами, созданными Сократом, или с собственной образовательной программой Платона, позднее обучение не всегда могло восприниматься как что-то комическое.

1. Предубеждение Платона?

На страницах трудов Платона есть одно пренебрежительное упоминание об *опсиматах*, или начавших поздно учиться. Платон обеспокоен тенденцией молодежи превращать в игру искусство доказательства при первом знакомстве с ним. Он обвиняет ее в слишком поспешной готовности воспользоваться тем фактом, что одна и та же вещь может рассматриваться как совокупность множества физических составляющих или множества вербальных атрибутов¹. Пес Фидо — совокупность четырех лап, четырех бедер, туловища, хвоста, двух глаз, двух ушей, мокрого носа и пасти, полной собачьих зубов. Он большой, коричневый, злой, ленивый, непослушный и прожорливый. И в то же время он — одна вещь. Кажущийся парадокс, говорит он, восхищает не только молодежь, но и зрелых учеников более старшего возраста: они приходят к заключению, что вы не можете назвать собаку ленивой. Собака — это собака, а лень — это лень. Кроме того, Калликл в «Горгии» произносит несколько крепких слов против обучения в зрелом возрасте, а «Евтидем» рассматривался Афинеем (Deipn. XI,114) как выпад против тех, кто начал поздно учиться. С другой стороны, обучение в немолодом возрасте, с сорока пяти лет, даже описано в седьмой книге «Государства». Как нам примирить эти свидетельства?

Прежде всего необходимо сказать несколько слов об обсуждении Теофрастом немолодых учеников в «Характерах» (27). Этому предшествует определение позднего обучения как «усердия по разуму»,

¹Софист. 251bc; последующий пример принадлежит мне.

© Г. Таррант, 2003

© А. Д. Пантелеев, пер., 2003

но подобные определения, возможно, являются поздними дополнениями. Более важные примеры описания, данные в тексте. Первый — шестидесятилетний человек, разучивающий отрывки для декламации, но забывающий строки из-за своего опьянения. Следующий — отец, который учится новинкам в военных упражнениях у сына и так далее и тому подобное. Немолодой ученик рассматривается как человек, охваченный различными страстями, не обязательно предполагающими вообще реальное обучение, — страстями, которые иногда приводят к злключениям. Например, человек, который, домогаясь гетеры, выламывает ее дверь, подвергается избиению разъяренным соперником, а затем привлекает его к суду (возможно, потому, что при софистическом образе мысли предпринятые им действия были законны). Важная сторона изображаемого Теофрастом портрета состоит в том, что пожилой ученик регулярно пытается похвастаться своим мастерством, как бы наверстывая утраченное время. Что бы им ни изучалось, это значительно содействует его омоложенному и обновленному самовосприятию.

Нас здесь интересует тот, кто мог осуждаться в позднее обучение на высшем уровне, т. е. в занятиях с софистами, философами и другими, кто преподает новые области знания вслед традиционному школьному курсу обучения. Эти люди учили музыке, литературе, медицине и множеству видов единоборств, главным образом на высоком уровне, возможно, с более теоретическим содержанием, чем обычно, так что они начинали уподобляться софистам. В более просторной общине таких профессионалов и их притязания на обладание некоторым более высоким знанием окружало значительное подозрение, но в общем по отношению к ним могла испытывать симпатию молодежь из богатых семей, которая хотела заниматься с ними². Предполагалось, что их ученики происходят именно из молодежи (Мено, 92a; Protag. 318d).

Таким образом, старшее поколение, которое нуждалось в их услугах, пользовалось меньшей симпатией. Предубеждение против них становится ясным при исследовании взглядов Калликла в «Горгии». Он полагает, что для юноши изучать то, что он называет философией, — прекрасное дело, свидетельствующее об особой свободе духа; но он настаивает на том, что пожилые люди не должны более тратить время на подобные занятия. По существу он обвиняет платоновского персонажа «Сократа», который только что заявил, что две его любви —

²Можно вспомнить о сочувственном отношении Сократа к юному Гиппократу в начале «Протагора» и особенно доверительное сообщение о том, что он может поддерживать свое обучение у Протагора только деньгами своих друзей (310e; 313b); Анит возлагает вину за коварное влияние софистов прежде всего на них самих, затем на города, которые не могут их изгнать, далее — на родственников учащихся и лишь потом — на самих обучающихся (Мено 92ab).

Алкивиад и философия — в незрелости³ — исключительно на основании его второй страсти. Калликл полагает, что пожилой ревнитель философии (в общем из-за своих теоретических занятий) доведен до беспомощности в собственной общине: и все из-за стремления праздного сумасбродства. Затянувшееся стремление к знаниям ослабляет моральную устойчивость!

В каком-то смысле эти обвинения никогда не оспаривались. Как будто даже в рамках определенного мировоззрения они имели какую-то обоснованность. То, чем Платонов «Сократ», оказывается, занимается, разговаривая с Калликлом, — это попытка представить совершенно иной взгляд на мир и место человека в нем, взгляд, который вызывает многословный протест Калликла. И то, что Калликлу ничего не ответили, «открывает двери» для тех, кто принял бы его взгляды всерьез.

Как утверждал во II в. н. э. близко знакомый с платоником Тавром Авл Геллий, то, что сказал Калликл Платона, имело важное значение для обучения, несмотря на то, что слова были вложены в уста сомнительного персонажа⁴. Конечно, Геллий не считал, что это имело отношение к тому виду высшего образования, которое предлагал Тавр и которое вело к благополучию человеческой жизни и общественных дел. Но он полагал, что это применимо к праздному стремлению к мелочным занятиям, которые сворачивают людей и уводят их от тех вещей, которыми должен интересоваться взрослый человек. Итак, предубеждение против стремления людей зрелого возраста к отвлеченной мудрости исходит даже из сочинений интерпретаторов Платона. Идя путем Авла Геллия, можно посчитать, что формальная логика, геометрия Евклида и подобные им теоретические предметы сами по себе никогда не считались достойными внимания взрослого человека. Можно усомниться, утверждал ли это сам Тавр, но среди средних платоников, безусловно, существовала тенденция размышлять о возрасте, в котором следовало учиться⁵.

Геллий полагает, что Платон собирается дать нам урок обучения в зрелом возрасте с помощью слов, которые он вкладывает в уста Кал-

³νεανίσκοι, 482c4, μερακιώδει 485e7–486a1.

⁴Авл Геллий. Аттические ночи. X,22. — Здесь нет установленной связи с Тавром, но в другом месте (VII,14,15), когда Геллий использует материал «Горгия», он может привести в поддержку своей точки зрения примеры из комментария Тавра, подводя к предположению о том, что он на самом деле изучал с ним диалоги. Диалог кратко цитируется в XII,9,6, но в нашем отрывке он цитируется намного подробнее, и изошренность комментария в абзацах 2 и 24 показывает чрезвычайно вдумчивое чтение (о фрагментах Тавра у Авла Геллия см.: *Lakmann Marie-Luise. Der Platoniker Tauros in der Darstellung des Aulus Gellius, Philosophia Antiqua LXIII. Brill, 1995*).

⁵Альбин. Вступление. 5; *Плутарх. Как юношам...* и др.

ликлу. Таким образом, можно ответить на вопрос, Платон просто осознавал существующее предубеждение против обучения в зрелом возрасте, или на самом деле он в какой-то мере поддерживал противников такого обучения. Нет сомнения в том, что он не одобряет приобретение знаний, продолжающееся всю жизнь. В седьмой книге «Государства» (537b слл.) обсуждается возраст, в котором должны проводиться определенные занятия. Так, правящему классу города-государства не позволено заниматься завершающими этапами курса философии до пятидесяти лет (540b). В самом деле, они знакомятся с начальным курсом в возрасте тридцати — тридцати пяти лет, но затем они должны посвятить себя на пятнадцать лет государственным делам. Их возвращение к обучению обеспечит постоянное внимание к теоретическим основам государства и превратит их в группу почитаемых старцев. Платон беспокоится об эффекте, который окажут некоторые из предписанных им диалектических занятий на людей скорее молодых, чем старых (537e–539d). Те, кто станет продолжать этот путь, должны будут пройти тщательное обучение, особенно когда они впервые «испробуют» диалектику. Платон защищает обучение на различных этапах жизни, но он тщательно составляет план пути одаренных индивидуумов через обязательные дисциплины; здесь старшие не возвращаются к изучению предметов, которые лучше изучать молодым. В «идеальном городе» «Государства» не может получиться так, что молодежь не сможет получить образование, которое ей требуется.

Все это оставляет открытой дорогу для осуждения тех, кто в зрелом возрасте обучается вещам, которым следовало научиться раньше. Отсюда и пассаж из «Софиста», к которому мы обратились в начале статьи. Критиковал ли там Платон людей, которые просто стали заниматься диалектикой позже, чем обычно, или тех, кто занялся ею слишком поздно для того, чтобы изучить ее должным образом? Конечно, это может быть случаем предубеждения. Но, несомненно, он нападает скорее на тех, кто занялся ею поздно и неправильно использует ее. Платон полагает, что обучение производит на зрелых людей такой эффект, который можно перенести лишь в юности. Одной из основных черт, которые соответствуют начавшему поздно учиться, согласно «Характерам» Теофраста, является желание продемонстрировать свои новоприобретенные навыки⁶. Этого недостаточно для того, чтобы в самом деле что-то делать, он только показывает, что может заниматься этим делом. Кажется, это желание шло рука об руку с юношеским восторгом от выученных приемов. Платон имел в виду незрелое поведение; слово здесь передает предположение о том, что

⁶ *Теофраст. Характеры.* 27,5,8,13–14.

эти запоздавшие ученики опоздали⁷. Платон демонстрирует предубеждение, направленное в меньшей степени против учащегося в зрелом возрасте, чем против его неспособности использовать свое обучение в духе зрелости.

Более того, долго осознавалось, что Платон, желая показать свою предвзятость, имел в виду одного или нескольких своих противников, которые, как он ожидал, будут узнаны. Антисфен⁸, в то время старейший сократик, склонялся к отрицанию того, что любой предмет *A* может быть правильно описан термином, который правильно определяет *B*. Каждый предмет имеет только один термин для того, чтобы описать его⁹. У Платона были сложные взаимоотношения с Антисфеном, по-видимому, связанные с его заимствованным на достаточно позднем этапе софистическим тезисом о невозможности противоречия¹⁰. Именно по этой причине он уже был заклеймен Исократом как «запоздавший ученик», в пассаже, который пытается сделать позднее обучение обычной характеристикой учеников Сократа. Исократ спрашивает в своей «Елене» (2), что это за поздно обучившийся человек, который не осознает, что Протагором, Горгием, Мелиссом и другими уже доказан настолько нелепый тезис, что его трудно превзойти. Хотя здесь никто явно не назван «запоздавшим учеником», далее следует упоминание о тех, кто достиг старости в утомительной защите абсурдных тезисов. Имена не упоминаются, но Исократ делает прозрачные намеки на положение Антисфена о непротиворечии, сведения Платоном всех добродетелей к моральному знанию и эристические аргументы, используемые, среди прочих, Евклидом Мегарским. В результате все трое оказываются в списке «поздних учеников», и Антисфен, старший из них, возглавляет этот список. Обвинение Исократом состоит в том, что эти три последователя Сократа были запоздалы настолько,

⁷О «Елене» Исократом ср.: *Теофраст. Характеры* / Ed. R. G. Ussher. London, 1960. P. 226.

⁸Так как было время, когда ученые видели Антисфена у Платона везде, то сейчас стало модно полностью отрицать его присутствие. Как я постараюсь показать ниже, подобный скептицизм необоснован. Отчасти этот скептицизм защищен тем, что обнаружены незначительные различия между содержащимися фрагментами у Платона и другими свидетельствами, где четко упоминается Антисфен. Однако эта практика поверхностна, если подобные отличия не превосходят те, что найдены среди фрагментов свидетельств авторов. Антисфен выражался в различных случаях по-разному и доказывал свои положения более, чем одним способом. Кроме того, стремление быть аккуратным в сатирических пассажах не было целью Платона. Много подобных соображений могут быть использованы против тех, кто мог бы усомниться в мудрости наблюдений Исократом о заключительной сцене «Евтидема» (см. ниже).

⁹Так, Аристотель в «Метафизике» (1024b32–34) говорит о сократике Антисфене. О значении идей Антисфена см.: *Branacci Aldo. Oikeios Logos: La filosofia del linguaggio di Antistene*. Napoli, 1990.

¹⁰*Диоген Лаэртий*. III, 35.

что получали чрезмерное наслаждение, демонстрируя заимствованные приемы, выученные незадолго до этого, и что они усердствовали в использовании этих приемов дольше, чем это было оправдано их ценностью¹¹.

В сочинении, которое отчасти является осознанным ответом Исократу¹², Платон отделяет свой собственный стиль доказательства от стиля двух братьев-софистов, и здесь также содержатся обвинения в том, что эти люди ведут себя как типичные «запоздалые ученики». Снова они получают чрезмерное удовольствие от демонстрации заимствованных приемов, выученных незадолго до этого, и снова они неоправданно упорствуют в этих приемах. Платон никогда не использует термин «запоздалые ученики» в отношении двух софистов в основном из-за его общего характера, максимально иронического.

У Афиней (важная фигура в антиплатоновской традиции) не было сложностей при рассмотрении платоновского «Евтидема» как книги, которая изображает софистов в качестве «запоздалых учеников»¹³. Платон в самом деле заявлял, что они обучились искусству спора, когда были уже старцами (272b), и что совсем недавно они еще не обладали этими навыками. Кажется, что они перешли от преподавания боя в доспехах к оказанию помощи в сочинении судебных речей и наконец достигли искусства спора. Это искусство — не более чем техника для того, чтобы всегда побеждать в споре, используя различные софизмы, неожиданные действия и упреждающие вопросы; все это не имеет отношения к какой бы то ни было истине, которая может быть предполагаемым предметом исследования. В начале сочинения (272b) сообщается, что софисты за короткое время могут преподавать это искусство любому. В конце же мы видим, как легко изучить это искусство на примере юноши Ктесиппа, который смог, овладев его основами, использовать их против профессионалов (298b-300d), и Сократ позже напомнит нам об этом, иронически восхваляя умение софистов в передаче их ремесла за такое короткое время (303e).

¹¹Заметьте, что Исократ, кажется, особенно выделяет «Сатон» Антисфена и платоновский «Протагор». Хотя мы не можем указать на какую-нибудь определенную работу Евклида (если это он), которую он критикует, ясно, что Исократ большей частью связан в этих главах с написанными работами, которые доказывают дерзкие тезисы в подробностях, как сделали Горгий, Зенон и Мелисс (ср.: γράφειν (8), συγγαμμάτων (11)). Более того, кажется, что он имеет отношение к новой вспышке детальной аргументации, которая может показаться новым открытием, хотя на самом деле это не так (2).

¹²См.: Евтидем., 304d-306c.

¹³Пирующие софисты. XI, 114. — Но память подводит его в деталях. Ни «искусство спора», которым они занимались, не подвергается явной критике, как считает Афиней, не используются «запоздавшие ученики», не говорится, что они были изгнаны с Хиоса в Фурии, но скорее из самих Фурий.

Сущность их искусства — искусство спора, которое часто связывалось с Евклидом и высеивалось Исократом. Но то, что эти темы приписываются менее утонченным «братьям», достаточно для предложения о том, что он так или иначе изображает Антисфена¹⁴, и Антисфена «Сатона» в особенности. «Евтидем» без каких бы то ни было преград можно рассматривать как изображение всех трех «запоздалых учеников», на которых нападавал Исократ, в образе двух братьев и платоновского Сократа, который контрастирует с ними. Сочинение Исократом демонстрирует, что у Платона были достаточные основания беспокоиться об эффекте, оказываемом эристикой на образ последователей Сократа, и достаточные причины для того, чтобы отделить своего собственного «Сократа» от этих последних. Его предубеждение в «Евтидеме» против приверженцев Антисфена и Евклида не должно восприниматься как предубеждение в отношении взрослых людей, которые серьезно стараются изучить что-то стоящее. Но если эристика на самом деле имела возможность научить их не только науке ведения спора, но и тому, что «Сократ» понимал под «arete», тогда Платон мог бы отнести к их «запоздалому обучению» как к чему-то необычному.

Наш следующий сюжет — о сомнении, высказанном Сократом в «Евтидеме» о его собственной способности прилично научиться чему-нибудь в преклонном возрасте.

2. Сократ как запоздавший ученик

Сомнение Сократа проявляется в ответе на обращенный к нему вопрос Критона: «Разве тебя не пугает твой возраст, не стар ли ты для этого?». Этот вопрос вызван предположением, что Сократ, возможно, станет учеником софистов, поскольку они пообещали приложить свое искусство к кому угодно. Сократа не беспокоит, что это искусство не может быть постигнуто в преклонном возрасте; его больше беспокоит, не смутит ли он Евтидема и его брата. Сократ сравнивает эту проблему с той, что возникла с учителем музыки Конном, которой даже теперь продолжал учить его игре на кифаре. Нам говорят, что молодые люди, которые были его соучениками, смеялись над Сократом и называли Конна «учителем старика» (227c). В дальнейшем речь идет

¹⁴У Аристотеля в «Топике» (1024b21) нет сложностей с отнесением тезиса о невозможности противоречия (ср.: Исократ, «Елена» 1, «Евтидем» 285d–286b), в частности, Антисфену, который доказывал это в четырех книгах, даже если у нас есть свидетельства, что использовалось последователями Продика и Протагора. Доказательство в «Евтидеме» связано, как и в «Елене», с представлением о том, что у каждой вещи есть собственный *logos*, который снова рассматривается как бытие Антисфена у Аристотеля («Метафизика». 1024b32–34). Заметьте, ничто не мешает рассматривать Антисфена как практикующего эриста, так как две работы из семи, перечисленных у Диогена Лаэртца (6,17), называются «Eristikos».

о двух учениках преклонного возраста, и здесь мы обнаруживаем рассказ Сократа о собственном опыте позднего обучения, и этот опыт был замечен комедиографами.

Термин «учитель старика», по-гречески *γεροντοδιδάσκαλος*, звучит как нечто комическое, одновременно и из-за длины, и из-за того, что удачно укладывается в анапест и дактиль¹⁵. Если это так, то появляется некоторое сомнение в происхождении этого термина. Комедиограф Амейпсий поставил комедию под названием «Конн» в 423 г. до н. э., которая в дополнение к истории самого учителя музыки Конна, похоже, касается также некоторых интеллектуалов и, возможно, это была та самая пьеса, в которой Амейпсий вывел Сократа¹⁶. Последний появляется в своем обычном спартанском трибоне, а не в более изысканном аттическом гиматии, как отважный персонаж, который интересуется всем, кроме источника питания. Ни один автор не говорит нам, каково ему было в школе Конна, но два автора, в дополнение к Платону, рассказывают о том, как Сократ учился у Конна игре на кифаре и подвергался за это критике, на которую отвечал «Лучше учиться поздно, чем никогда»¹⁷. Некоторые другие авторы свидетельствуют о занятиях Сократа музыкой, акцентируя внимание на том, что он был уже отнюдь не молод¹⁸. Значительное отличие от короткого рассказа Платона предполагает наличие иного источника, возможно, комедийного. Пьеса Амейпсиса выводила Сократа (если он вообще был там) как ученика Конна, вероятно, как исключительно старого ученика, которому далеко за сорок.

Мы можем быть уверены, что эта сцена таит в себе множество комических возможностей. Как видно из многих диалогов Платона, таких, как «Гипсий Старший», «Государство» (I) или «Евтифрон», Сократ пользовался репутацией человека, задающего неловкие, наивные и странные вопросы и ищущего такие разъяснения, какие обычный человек искать не стал бы. Иногда он буквально понимает то, что так понимать не следует. Это должно было быть изрядным источником

¹⁵ Это не оригинальное предположение (см., напр.: *Hawtrey R. S. W. A Commentary on Plato's Euthydemus*. Philadelphia, 1981. P. 46).

¹⁶ *Диоген Лаэртский*. II, 28; происхождение фрагмента из «Конна» неочевидно, но, начиная с Мейнеке, большинство его относит к «Конну».

¹⁷ *Стобей*. Антология, II, 29, 68, 2–4; *Свида*, Лексикон, п.с. Сократ; *Секст Эмпирик*. Против математиков. VI, 13 (который, кажется, зависит от источника, заменяющего имя Конна на Дамона или Лампроса). Секст сохранил еще одно необычное слово, которое могло возникнуть в комедии, *βαθυγῆρος* (престарелый), имеющее ближайшую параллель в выражении *βαθὸ τῆς ἡλικίας* в «Облаках» Аристофана (514).

¹⁸ *Валерий Максим*. VIII, 7; *Квинтилиан*. I, 10, 13; *Лукиан*. Рыбак. 25; *Максим Турский*. 38, 4 = фрагментам Сократа I C 113–7 *Socrátiŝ et Socraticorum Reliquiae* (Giannantoni).

для комических недоразумений между Сократом и Конном, недоразумений, вызванных частично нежеланием или невозможностью Сократа приспособиться к языку искусного учителя музыки¹⁹. Нет нужды предполагать, что такой юмор был особенно враждебен, поскольку он, скорее, связан с сократовским поиском знаний в преклонном возрасте.

В том же году и на том же празднике Аристофан выпускает свои «Облака», на этот раз наделяя самого Сократа совершенно неправдоподобной ролью учителя и представив в виде неразборчивого в средствах козопаса средних лет Стрепсиада²⁰ как ученика²¹. В пьесе имеются замечания по поводу возраста Стрепсиада²². Этот преклонного возраста студент, который посещает сугубо теоретическое заведение для того, чтобы решить свои собственные насущные проблемы жестоких долгов, представляется идеальным контрастом надмирному Сократу, и опять юмор достигается повторяющимся недопониманием. Стрепсиад фактически ставит в тупик Сократа тем, как он реагирует на вопросы, объяснения и требования последнего. В данном случае Стрепсиад — начавший поздно учиться ученик, а Сократ — страдалец, который вынужден переносить его. Как запоздавший ученик Стрепсиад имеет все те симптомы, которые Теофраст считает характерными: он забывает то, что уже выучил, пытается учиться у сына, стремится продемонстрировать то, что выучил, вне зависимости от того, насколько это соответствует ситуации. Он также думает, что учение оправдывает его дерзкое поведение, — черта, которую Цицерон приписывает запоздавшим ученикам²³. Забавно, когда Сократ предполагает, что обучение Стрепсиада приведет к телесному наказанию. Тема

¹⁹ Похоже, что Евпол уже в 424 г. до н. э. (после возобновления аттичских сельских праздников?) использовал юмор похожей ситуации столкновения изысканного учителя музыки Продама с козопасом в своей пьесе «Aiges» («Козлы»). У нас нет свидетельств о том, что тема возраста была здесь так же важна, как тема города-деревни. Относительно этой пьесы неоценимые сведения я получил в беседах с Иэном Стори, который любезно предоставил мне копию неопубликованного исследования о Евполе, и высказал идею о том, что имя Продам, возможно, объединяет имена Продика (софиста *par excellence* древней комедии) и учителя музыки Дамона.

²⁰ Возможно, заимствовано от Евпола (см. предыдущее прим.).

²¹ Заметим, что в дошедшей до нас пьесе, которая не идентична той, что была представлена в 423 г. до н. э., сын Стрепсиада Фидиппид на самом деле не занимается непосредственно с Сократом.

²² Он «стар, забывчив и нескор» (129, это его собственные слова о себе); «старик, который родился много лет назад» (358, слова хора); он «глубокий старик» (514, хор); он «очень бестолковый, забывчивый старик» (790, слова Сократа). Преклонный возраст прямой Речи также высмеивается Кривдой в 908, 915 (отжившая), 929 (Крон), 984–5; использование подобного языка встречается в 998 и 1357.

²³ Письма близким. IX, 20, 2. — Цицерон недавно приобрел вкус к гастрономическим ухищрениям, что угрожает ему заняться ими с той же энергией, которую обычно демонстрируют «запоздалые ученики».

ученика, поздно начавшего учиться, в пьесе, я полагаю, должна быть как-то связана и с Сократом²⁴. Персонаж, которого представляет запоздавший ученик Стрепсиад, не обязательно является пародией на то, что обычно приписывалось Сократу, но, заметьте, что за год до того, как эта пьеса была поставлена на сцене, невоспитанный демагог Клеон был превзойден еще более наглым выскочкой-колбасником Агоракритом. Таким образом, Аристофану нравилась идея столкновения личности со своей гипертрофированной копией.

Так или иначе, чтобы оправдать свое появление в этих пьесах, Сократ должен был делать что-то, что привлекало бы внимание, и это что-то было бы связано с обучением в преклонном возрасте. Так что же он делал? Краткий ответ — учился у Конна, но более пространный — более интересный. Итак, Сократ пришел к публичной известности примерно в то время, на которое указывает Платон в «Лахете». В этом диалоге, действие которого разворачивается примерно в 420 г. до н. э., Сократ уже стал необычайно популярным среди афинской молодежи и большую часть времени проводил в тех местах, где молодые люди занимались совершенствованием, хотя старик Лисимах, который проводил много времени, не выходя из дому, не смог осознать, что тот, о ком все говорили, был Сократ (180с–181а). После того как Лисимах перестал проявлять большую активность в городе, Сократ стал выдающейся фигурой (но не настолько, как можно было ожидать). Что же он делал? Его самой известной и самой противоречивой деятельностью был поиск человека, более мудрого, чем он сам, что вело к его дотошным расспросам политиков, поэтов, ремесленников и интеллектуалов: он проводил время там, где молодежь занималась и практиковалась в изящных искусствах, как говорится в «Лахете» (180с). Конец сочинения фактически подтверждает это. Сократ утверждает, что вся компания, как старые, так и молодые, должны были стараться найти лучшего из возможных учителей отваги и добродетели. Они должны были излечиться от своего невежества любой ценой, и если другие смеялись над ними из-за их возраста, то это не могло стать поводом для того, чтобы бросить обучение. В этих словах — убежденность и опыт. Более того, сочинение упоминает другого преподавателя музыки и не только, некоего Дамона, сподвижника софистов Продика и Протагора, учителя знаменитого Перикла²⁵ и, возможно, скрытого софиста²⁶,

²⁴Схолиаст в примечании к строке 876, кажется, сохранил смутное понимание этого. Отмечается, что над Гиперболом здесь смеются из-за его позднего обучения. Связь слаба, хотя, как мне кажется, «Облака» Аристофана и «Евтидем» Платона — две единственные известные мне работы классического периода, которые поздняя античность связывала с этой темой.

²⁵Исократ. XV, 235 = DK37A3, а также A4–A6.

²⁶Плутарх. Перикл. 4 = DK37A4.

которого Сократ знал близко и смог представить Никию²⁷. Желание быть близким другом одного из учителей музыки, возможно, проистекает из стремления преодолеть комплекс несчастного детства, быть же другом двоих — выглядит подозрительно. И если мы можем принять указанную в «Лажете» дату, то будет разумным предположить, что Сократ теперь явно преследовал компанию как молодых людей, так и выдающихся учителей, у которых уводил учеников. Он — восторженный запоздалый ученик, осознающий, что существует предубеждение по отношению к тем, кто посещает школу в его возрасте.

Уместно спросить, почему существовало такое предубеждение по отношению к запоздавшим ученикам. Несомненно, сама мысль о зрелище 45–50-летних людей, которые учились вместе с подростками, была забавна, но те характерные черты, которые комедия, возможно несправедливо, приписывает поздним учащимся, ничем не угрожали обществу. Тем не менее интерес народа к комедии показывал, что есть против чего предубеждаться. В связи с этим платоновский «Протагор» дает важный ключ: он отделяет тех, кто изучает софистику для продолжения своего обучения свободным искусствам, от тех, кто учился для того, чтобы стать таким же софистом. Молодой человек Гишократ мечтал учиться у Протагора ради знаний, но он краснел при мысли, что мог бы пойти учиться, чтобы стать софистом (312a–b). Такие замыслы не пользовались уважением в Афинах V в., особенно среди афинских граждан. Немного позднее вместе с Протагором упоминается некий Антимор Мендийский, в связи с тем, что он обучался профессии (315a). Я обнаружил здесь намек на некоторое подозрение, падающее на таких людей. Но совершенно естественно предположить, что всякий, кто занимается таким обучением, имеет какой-то скрытый мотив помимо того, чтобы снабдить человечество наилучшим образованием в области свободных искусств. В случае Сократа этот мотив легко обнаружить, поскольку он в достаточной мере обладал остроумием и памятью по сравнению с типичными поздними учениками. Согласно традиции, существовали гораздо более подозрительные интеллектуалы, чьим учеником он являлся, — софист Продик, космолог Архелай (если не сам Анаксагор) и другие, с которыми, по Платону, беседовал Сократ. Если бы он хоть частично подозревался в том, что занимался такими вещами, чтобы сводить концы с концами как софист, то это легко бы объяснило далекое от реальности изображение Сократа в пьесе Аристофана в роли профессионального софиста.

По иронии судьбы, некоторые из учеников Сократа сами стали заниматься обучением²⁸, и самый старший из них, Антисфен, очевид-

²⁷180c–d, 197d. — Дамон также упоминается в «Государстве» (III, 400b–c).

²⁸Диоген Лаэртский. VI,4 (Антисфен прогонял своих учеников денежным прутом)

но, был заклеен как «запоздавший ученик»²⁹. Как уже отмечалось, пример Сократа показал, что расширение своих знаний в течение жизни было почтенным занятием, которого не следовало стыдиться. Этот пример имел фундаментальное значение для западной интеллектуальной истории. Без него гораздо меньшее количество людей рискнули бы преодолеть презрение и скептицизм своих современников. Не будь защиты ценности позднего обучения, великие традиции греческой философии, которые являются корнями западной философии, затерялись бы из-за недостатка старших учеников, которые могли бы подхватить дело учителя. Интересно, что обыкновение говорить, что философ *X* является последователем философа *Y* не означает, что *X* был его *mathetes* или учеником (таким образом, определяя отношения младшего и, возможно, даже подчиненного по отношению к *didaskalos*), но просто говорят, что он его слушал. Сократ, однако, недвусмысленно заявляет, что он был учеником Продика и выслушивал от него упреки, как и полагается ученику.

Таким образом, абсолютно понятно, что двусмысленность Платона в вопросе о поздних учениках вполне объяснима: с одной стороны, ему приходилось до последнего защищать право тех, кто, подобно Сократу, жаждал знаний и был готов изучать науки в более преклонном возрасте, чем обычно, а с другой — ему нужно было целенаправленно противостоять тенденциям конкурирующих учителей с энтузиазмом демонстрировать свое умение в тех предметах, которые они давным-давно должны были перерастить.

3. Важность позднего обучения для Сократа

То, что Сократ верил в обучение в любом возрасте, четко выражено у Платона. В свой последний день Сократ говорит, что он был бы счастлив стать учеником любого, кто учил тому виду «причин», который он ожидал от Анаксагора (Федон, 99с); незадолго до суда он будет пытаться узнать природу благочестия от недоумевающего Евтифрона, поставив себя на место ученика, а молодого человека — на место учителя (Евтифрон, 5а сл.). Конечно, здесь есть и ирония, но также есть и серьезный урок. Нечто подобное содержится и в «Кратиле» (428b). И снова, в конце «Евтидема», Сократ рекомендует занятие философией, если оно пройдет тщательную проверку, не только сыновьям Критона, но и самому Критону (307с). Имея в виду, что у Платона

и II,65 (Аристипп был первым учеником Сократа, который стал брать гонорар); *Socratis et Socraticorum Reliquae* (Giannantoni), особенно V A 169, и IV A 1.

²⁹ Аристотель (Метафизика 1043b24) также заинтересован в том, чтобы внушить мысль (в связи с его примитивными лингвистическими идеями), что он — человек необразованный, что почти равносильно обвинению в позднем обучении.

было достаточно причин для того, чтобы не желать доминирования темы позднего ученика в своем образе Сократа, следует рассмотреть, не было ли это наиболее забытым положением собственной философии Сократа.

Подобный вопрос может быть легко переформулирован таким образом, что он приобретет даже большее значение: не была ли непрерывность процесса обучения до самого конца жизни самой сущностью философии для Сократа? Не потому ли он выбрал слово «философия», чтобы обозначить им свое излюбленное занятие? Отбрасывание термина «sophia» и его притязание на действительное знание в пользу «philosophia» со значением поиска некоего неуловимого знания совершенно подходят тому, кто считает, что обучение должно продолжаться до самого конца жизни. Такие пассажи, как в «Пире» (204a–b) и «Лисии» (218a), показывают, что Платон был осведомлен об этом; философия — это поиск мудрости, недостаток которой для себя осознает каждый. Для Сократа этот недостаток продолжался всю жизнь, и каждый шаг к его устранению был самосовершенствованием. Так, в «Протагоре» (318b) говорится, что даже почтенный софист в его возрасте, становился лучше каждый раз, когда узнавал что-то, чего не знал до сих пор. Но тогда как Сократ, кажется, выделяется, собираясь исследовать широкий круг предметов и навыков, по крайней мере в 420-е годы, Платон ощущает нужду отбросить все, что, как считалось, не имело достаточной ценности. И определение того, что что-то имело недостаточную ценность, должно само опираться на предположение, что он достиг уровня мудрости.

Кроме того, Сократ идеализировал исследование таким же образом, который позволил Новой Академии обращаться к его авторитету³⁰. Философия требовала постоянного поиска, постоянного изучения³¹. Если он не был ни *skeptikos*, ни систематическим *ephektikos*, он, конечно, являлся *aporetikos* и *zetikos* (Менон, 81de, 86c), таким образом соответствуя по крайней мере двум именам, под которыми были известны античные скептики. Тем не менее Платон, сознавая необходимость отмежеваться от практики своих соперников, задавал вопросы вроде: «Что должен искать каждый и в какое время жизни?». Будучи готовым дать ответ, он уничтожает важнейшую часть наследия Сократа. В «Лахете» (189a) указывается, что он будет учиться только тому, что, как он полагает, будет достойными уроками достойных людей: «Старая, я был бы счастлив еще многому научиться, но только у хоро-

³⁰Об отношении Новой Академии к Сократу см.: *Annas J. Plato the Sceptic // The Socratic Monument / Ed. P. A. Vander Waerdt. Ithaca, 1994. P. 309–40 и 341–67; Christopher J. Shirls Socrates among the Sceptics // Ibid. P. 341–367.*

³¹Я уже обсуждал особое место скептического идеала в скептицизме Новой Академии в «*Scepticism or Platonism?*» (Cambridge, 1985; особенно p. 26–29, 69–71).

ших людей. А будет ли учитель моложе меня, или еще не признанным, обладающим еще каким-то таким недостатком, мне все равно».

Почему это важно для нашего знания о Сократе? Я полагаю, что сейчас мы имеем дело с сократической тенденцией, о которой древние знали в течение нескольких столетий³², но которая была приукрашена Платоном не из-за желания утаить ее (он не делал этого), но, скорее, из-за его неудачи использовать ее в большей степени теоретически, так, как он использует «акушерство» Сократа и обращает исходные положения, после опровержения, в теорию воспоминания. Ксенофонт использовал ее еще меньше. Но тем, кто пытается оценить степень «скептицизма», проявленного Сократом, стоило бы посоветовать учесть это. Вместо того, чтобы бесполезно обращаться к вопросу, был ли Сократ скептиком с эпистемологической точки зрения, может быть, полезнее спросить, насколько глубоко формировала его философию увлеченность постоянным исследованием. Такая увлеченность была сама по себе моральным обязательством и могла спокойно соседствовать с другими моральными обязательствами, которые, вполне вероятно, ослаблялись приверженностью к скептической эпистемологии.

Существует другой подход, согласно которому путь Сократа к философии может быть сформирован его опытом занятий в относительно позднем возрасте и рационализацией этого опыта. Специалисты, обучающие молодежь, обычно используют систему взаимоотношений ученика и учителя, при которой признается интеллектуальное превосходство и компетентность учителя. Более старший человек, желая стать учеником, брал на себя заботу о сохранении этой социальной нормы, сознавая, что учитель весьма сведущ в любой изучаемой области, а его собственные знания находятся на гораздо более низком уровне. Сократ должен был притворяться незнающим, если он был способен продолжать обучение в его возрасте. Поэтому его хваленая ирония являлась прямым результатом его добровольного желания следовать подчиненной роли во взаимоотношениях ученика-учителя (а иногда и учительницы-ученика).

В самом деле, эта ирония уменьшается или исчезает при общении с молодежью. При выборе положения, соответствовавшего ученику, он ставил себя на тот же уровень, что и другие молодые люди, желавшие знания. Его отношения с ними — это практически отношения равных. Он зависит от их идей, а они — от его способности оценить их. В этом отношении они учились у него, но, с другой стороны, и он учился у них; приверженность к обучению в позднем возрасте не

---

³²См. ссылки на анекдоты, имеющие отношение к «запоздавшему ученику» Сократу в прим. 17–18 и выше.

ограничивалась обучением только на занятиях. Это разрушает социальные барьеры и таинственность, которые обычно окружают процесс обучения, и предоставляет возможность ведущему в процессе обучения лучше взаимодействовать с теми, кого он ведет.

Таким образом, ни в коем случае не заявляя, что сократовское обучение в позднем возрасте сформировало механику опровержения, я готов утверждать, что оно изменило динамику обмена мнениями таким образом, что не терпящие возражений вопросы учителя (см., напр., Протагор, 338е слл.) уступили место обращению к другу, в общении с которым и шел поиск истины.

Перевод А. Д. Пантелеева

Е. В. АФОНАСИН

ПРОЛЕГОМЕНЫ: ПРОЦЕСС НАКОПЛЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ЗНАНИЙ И МЕТОДЫ ЦИТИРОВАНИЯ В ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ¹

I. Предварительные замечания

В античности, как и в настоящее время, накопление материала, составление и методический отбор различных выдержек составляли большую, если не основную, часть литературного труда. Поэтому представляется вполне естественным попытаться понять, каким образом осуществлялось накопление и сохранение знания в те века, которые известны как поздняя античность.

Поздняя античность, и в особенности первые два века н. э., известны как века доксографов, компиляторов и «энциклопедистов». Позднеантичная философия — в равной мере греческая и христианская —

---

¹ Данное исследование выполнено в рамках проекта «Накопление знания и методы цитирования в поздней античности», поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований (грант №00–06–80172) и продолжает работу, начатую в следующих статьях: «К вопросу о методах цитирования в поздней античности: литературный стиль „Стромат“ Климента Александрийского» (Гуманитарные науки в Сибири. 2001. №1); «Discourse and Dialogue: Questions to be Settled before the Study of the Literature of a Transition Period» (The Philosophy of Communication. The 13th International Conference on Greek Philosophy, Rhodes, Greece. Athens, 2001); «Положение „между“. Филон Александрийский в раннехристианской философии» (Универсум платоновской мысли: платонизм и античная психология. СПб., 2000); «К вопросу о среднеплатонических влияниях на Климента Александрийского» (Универсум платоновской мысли: неоплатонизм и христианство. СПб., 2001).

© Е. В. Афонасин, 2003